

Губогло М.Н., Смирнова С.К. и др. Феномен Удмуртии. Т. 2. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 2. Сфера исполнительной власти. Москва; Ижевск, 2002. 712 с.

Губогло М.Н., Смирнова С.К. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. Москва; Ижевск, 2002. 576 с.

Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. 219 с.

Исследования по прикладной и неотложной этнологии

№ 160. Ситнянский Г.Ю. Русские в СНГ – “здесь” или “там”: По поводу нового закона “О гражданстве Российской Федерации”.

№ 161. Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения.

№ 162. Миссонова Л.И. Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).

№ 163. Заурбекова Г.В. Ваххабизм в Чечне.

№ 164. Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).

№ 165. Анайбан З.В. Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).

№ 166. Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е годы – начало XXI в.).

Е.А. Пивнева

© ЭО, 2004 г., № 3

Е.В. Иванова, А.Ю. Синицын

О НОВОЙ ЭКСПОЗИЦИИ В МАЭ РАН “КУЛЬТУРА НАРОДОВ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ”

В июне 2002 г. в МАЭ РАН после двухлетнего перерыва была открыта обновленная экспозиция “Культура народов материковой части Юго-Восточной Азии”. Экспозиция была подготовлена сотрудниками отдела Восточной и Юго-Восточной Азии Е.В. Ивановой и А.Ю. Синицыным; дизайн экспозиции разработал Е.А. Спешилов. Первый вариант этой выставки был осуществлен в 1980 г. по инициативе заведующего сектором Зарубежной Азии А.М. Решетова¹ (автор Е.В. Иванова, художники Т.Л. Юзепчук и В. Зверев) для создания, в интересах посетителей музея, полного “образа” историко-этнографической области Юго-Восточной Азии, до этого представленной лишь экспозицией по народам Индонезии. МАЭ располагает собраниями этнографических предметов из стран Индокитайского п-ова – более 1,5 тыс. единиц хранения, поступивших в музей на протяжении XX в.²

Первыми значительными поступлениями были подарки, преподнесенные цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II) во время его путешествия по странам Востока, включая Сиам и Вьетнам, в 1890–1891 гг. Часть этих подарков была передана им в 1893 г. в МАЭ, среди этих предметов – фигура бога охоты из горных районов Вьетнама (ныне она украшает вестибюль Музея); художественное оружие, подаренное королем Сиамом (Таиланда) Рамой V Чулалонгкорном, перьявые веера из Вьетнама и другие предметы.

Начавшиеся после ответного визита Рамы V в Россию в 1896 г. дипломатические отношения с Сиамом благотворно отразились на истории поступления этнографических предметов из этой страны. В 1902 г. Сиам принял участие в состоявшейся в С.-Петербурге Международной рыбопромышленной выставке и по ее окончании передал экспонаты своего отдела Российской Академии наук, откуда они попали в наш музей и были зарегистрированы как коллекция № 669 (из 140 предметов), единственная в своем роде в нашем музее.

В 1902 г. в С.-Петербурге прошли гастроли труппы сиамского балета, оставившей в подарок Дирекции императорских театров маски (8-ми персонажей), в которых выступали актеры. С 1957 г. они вошли в состав коллекции МАЭ (под № 6332).

Рис. 1. Парадный костюм вьетнамского губернатора XIX в. Из коллекции Г. Мейера

В 1906 г. директор МАЭ В.В. Радлов направил Н.И. Воробьева в ряд стран Азии для пополнения этнографических фондов Музея. Из Сиам Н.И. Воробьев привез отличную коллекцию, включавшую произведения тайской буддийской скульптуры, оружие, фарфор, плетение и т.д. (коллекция № 1041).

Эти три коллекции (№ 669, 1041 и 6333) содержат прекрасные вещи для экспонирования, дающие представление и о бытовой культуре сиамцев, и об особенностях их самовыражения в различных видах искусства.

Благодаря благоприятному обстоятельству – проведению в 1903 г. в С.-Петербурге (в Таврическом дворце) Первой Международной выставки исторических и современных костюмов, а также энтузиазму немецкого ученого Ганса Мейера, бывшего корреспондентом МАЭ, наш музей обогатился исключительно ценным собранием (из 221 предмета одежды, обуви и украшений ряда этносов Вьетнама и Лаоса), присланным из Ханоя колониальными французскими властями для демонстрации на этой выставке. По окончании выставки Г. Мейер купил это собрание (при его участии и отобранное) и передал в МАЭ (коллекция № 732).

К сожалению, так удачно начавшийся в первые десятилетия XX в. процесс “стекания” в МАЭ этнографических артефактов из Индокитая на многие годы прервался и возобновился лишь в 1950-е годы, но как и прежде не имел регулярного характера. Сказывалась невозможность организации систематических целенаправленных этнографических экспедиций в страны Индокитая. Исключение составлял социалистический Вьетнам, куда ездил (и привозил коллекции!) сотрудник Музея (тогда Ленинградской части Института этнографии АН СССР) А.Н. Мухлинов. Контакты с учеными и общественными организациями этой страны также оставили заметный след в фондах МАЭ.

Небольшую коллекцию привез из Бирмы в 1956 г. Г.Г. Стратанович, в 1970-е годы ее пополнило собрание, подаренное Обществом Бирмано-Советской дружбы, а в 1990-е годы – дары профессора СПбГУ Ю.М. Осипова.

Новые поступления по народам Таиланда и Лаоса – заслуга московского востоковеда Л.Н. Морева, петербуржцев С.Е. Трифонова, преподавателя тайского языка на восточном факультете СПбГУ И.В. Данилина (главного редактора популярного петербургского журнала “Наш следопыт”) и буддийского монаха из Таиланда Чатри Хемапандха (студента СПбГУ). Интересную коллекцию из Камбоджи привез И.Г. Косиков, из Малайзии – проф. А.К. Оглоблин.

Стихийный характер поступления коллекций по Индокитаю определил и весьма неравномерную “репрезентативность” как самих обитающих на его территории этносов (далеко не по всем из них имеются даже минимальные коллекции), так и различных аспектов культуры тех из них, по которым коллекции имеются. (Вспоминается шутовое замечание Н.Н. Чебоксарова по поводу жалоб молодых коллег на односторонность и ограниченность имеющейся в их распоряжении литературы по народам Азии, о которых им предстояло писать в очередной том из серии “Народы мира”: “Да-да, один народ пашет, а другой пляшет!”)

Несмотря на фрагментарность, эти коллекции позволяют составить известное представление о традиционной культуре и быте народов, живущих в странах Индокитая. Для экспозиции было отобрано около 100 наиболее выразительных экспонатов. Учитывая то обстоятельство, что МАЭ – единственный музей России, в стенах которого можно с помощью демонстрируемых подлинных этнографических предметов рассказать посетителям об этническом составе населения Индокитая и об особенностях традиционной культуры его народов, организаторы экспозиции постарались создать “опорные пункты” для нескольких тем, на которых желательно акцентировать внимание зрителя.

Следует признать, что высокую степень этнической пестроты и языковой полифонии, свойственную всем странам Индокитайского п-ова, трудно передать имеющимися в нашем распоряжении средствами, но несколько экспонатов экспозиции позволяют привлечь внимание к обстоятельствам, способствующим сохранению этнокультурного разнообразия (прежде всего, дисперсное расселение малыми группами в горных районах и полукочевой образ жизни).

Подавляющее большинство экспонируемых предметов характеризуют культуру больших равнинных народов, “титовых” этносов – бирманцев, тайцев, лаосцев, кхмеров, вьетов, составляющих большинство населения в “своих” странах.

Экспозиция начинается со вводных щитов, на которых помещена карта материковой части Юго-Восточной Азии и тексты, содержащие краткую информацию об истории заселения этой территории, о языке аборигенов и народов, мигрировавших сюда в разные исторические периоды, о численности и этническом составе современного населения стран, расположенных на этой территории, об его конфессиональном составе. Далее принят следующий принцип размещения экспонируемого материала: в половине шкафов (в первых четырех и в последнем – десятом) демонстрируются вещи, относящиеся к традиционной хозяйственной деятельности жителей Индокитая (земледелие и рыболовство) и их материальной культуре, в 5-м и 6-м шкафах – предметы, относящиеся к театрално-музыкальному и прикладному искусству, в 7-м и 8-м – к религиозным культам, а в 9-м выставлено оружие. Однако в нескольких шкафах допущена некоторая сюжетная вольность, и наряду с численно доминирующими экспонатами, иллюстрирующими определенные выше аспекты традиционной культуры индокитайских этносов, представлены предметы из другого “круга” (мраморная статуэтка Будды – среди произведений прикладного искусства в шкафу № 6, изделия из лака в шкафах № 3 и 10 и т.д.).

В странах Индокитая распространено как плужное, так и ручное земледелие. Плужное земледелие получило распространение в равнинных районах, где выращивается заливной рис; ручное – в горах, где выращивался преимущественно суходольный рис.

В шкафу № 1 выставлен традиционный кхмерский серп, представляющий собой железный нож, укрепленный на причудливо изогнутой бамбуковой “ручке”. В этом же шкафу демонстрируется модель бирманской деревянной двухколесной повозки, в которую впряжены волы, наряду с буйволами служащие во всех странах Индокитая тягловыми животными.

Важнейшими продуктами питания многих народов Индокитая являются рыба и морепродукты. Рыболовство, как речное, так и морское, до настоящего времени остается одним из главнейших промыслов. Рыбу ловят при помощи сетей, плетеных вершей и разнообразных удочек.

В шкафу № 2 наряду с вершей из Таиланда экспонируются модели приспособлений для ловли рыбы – “саней”, стоя на которых и отталкиваясь от дна ногой, рыбак продвигается на мелководье вдоль берега реки, собирая в корзину застрявшую в иле рыбу, а также бамбукового загона для рыбы, сиамских рыболовных судов.

Традиционные ремесла Индокитая весьма разнообразны и самобытны. Представленные на этой экспозиции предметы характеризуют лишь некоторые из них, а именно: гончарные изделия (чаши, кувши-

Рис. 2. Буддийская скульптура и ритуальные аксессуары из стран Индокитая

ны, горшки, блюда); изделия из фарфора (шкаф № 6); плетеные изделия (материалы – расщепленный бамбук, ротанг, солома, растительные волокна, пальмовые листья) – ловушки для ловли рыбы, корзины, шляпы, циновки, мячи, веера и т.д. (шкаф № 2); лаковые изделия – декоративные коробки, чаши, картины и т.д. (шкафы № 3, 6); традиционные ткани и образцы одежды (шкафы № 1, 3, 4, 10); изделия из папье-маше (театральные маски в шкафу № 6); изделия из перьев – веера, опяхала (шкаф № 3). Характерные для тайцев и лаосцев ткани для женских саронгов – с полосами, с пестрым узором – выставлены в шкафу № 10. О традиционной одежде некоторых народов Индокитая можно судить по демонстрируемым в шкафу № 4 манекенам (представлены *вьеты* и *зао* Вьетнама), по костюмам на куклах. Особое внимание привлекают халаты вьетнамских вельмож XIX в., подаренные Г. Мейером в 1902 г. (шкафы № 3 и 1).

В шкафу № 9 представлено несколько экземпляров традиционного оружия Индокитая – сямские сабли и кинжалы, приобретенные Н.И. Воробьевым в 1906 г. в Бангкоке, бронзовые фигурки героев эпической поэмы “Рамакиен” (тайского варианта древнеиндийского эпоса “Рамаяна”) – Рамы и обезьяньего царя Ханумана (обе статуэтки – дар И.В. Данилина): первый вооружен луком в виде змея-нага, второй – палицей. Интересным экспонатом является накидка офицера вьетнамской императорской армии (из коллекции Г. Мейера).

Особенность классического балета Таиланда и Камбоджи – использование масок, необходимых для создания образов определенных персонажей. На экспозиции (шкафы № 5 и 6) представлены четыре маски (из восьми имеющихся), в которых выступали сямские актеры в 1902 г. в С.-Петербурге, исполнявшие роли Рамы, Лакшмана, Ханумана и демона. Маски эти изготовлены из папье-маше; их цвет имеет оп-

ределенную символику: зеленый означает удачу и счастье, желтый – злость, синий – взволнованность, красный – ярость. Выражение лица маски дает представление о характере и склонностях персонажа. Маски положительных героев имеют широко раскрытый рот с ровными зубами; отрицательных – растянутый рот с торчащими из него клыками.

В шкафу № 6 экспонируется кукла театра марионеток из Таиланда (приобретена Е.В. Ивановой для МАЭ в Патайе в 2000 г.).

Музыкальные инструменты, распространенные в Индокитае, представлены ударными, духовыми и струнными: барабаны, ксилофоны (имеющие вид лодки на подставке), гонги разной величины и звучания, закрепленные на круглом бамбуковом каркасе, в центре которого оставлено место для музыканта, вооруженного молоточками, различные щипковые инструменты (например, традиционная бирманская арфа-саун), всевозможные флейты (тростниковые, бамбуковые, металлические), цимбалы, литавры и т.д. (шкафы № 5 и 6).

В шкафах № 7 и 6 представлены артефакты, характеризующие религиозную культуру Индокитая. В основном это буддийские статуэтки, характерные для иконографической школы буддизма тхеравады, а также предметы, связанные с местными анимистическими культурами.

В шкафу № 7 демонстрируются 8 изображений Будды – 4 бронзовых и 3 из дерева, и те и другие с позолотой, и фигурка адоранта (поклоняющегося Будде), деревянная с позолотой и стеклянными вставками, датируемые XIX в. Эти статуэтки были привезены Н.И. Воробьевым из Сиам в 1906 г. (Еще один бронзовый Будда из Сиам, в короне и в королевской одежде, сидящий на лотосе на высоком пьедестале, с жестом правой руки, символизирующим “призывание Земли в свидетели”, также поступил в МАЭ позднее и был зарегистрирован под № 2686–1.) Однако три деревянные фигурки Будды (№ 1041 – 2, 3 и 4) по стилистическим признакам и по материалу (не типичному для тайской скульптуры XIX в., как правило, отливавшейся из бронзы), скорее всего, должны быть признаны произведениями лаосских скульпторов (таково мнение сотрудницы отдела Востока Государственного Эрмитажа О.П. Дешпанде). Эти три фигурки в закрытой монашеской одежде, стоящие на лотосе, помещенном на высоком пьедестале, выполняют жест “абхайямудра” – в одном случае (№ 2) двумя руками (трактуемом как напоминание об эпизоде из жизни Будды, когда он этим жестом успокаивал океан), в другом (№ 4) – одной правой рукой (так, согласно легенде, он примирил рассорившихся родственников), в третьем (№ 3) – одной левой рукой (этим жестом он остановил пошедшую ему навстречу Сандаловую статую). Две бронзовые статуэтки из коллекции Н.И. Воробьева (№ 1041 – 1 и 5) изображают стоящего Будду в королевской одежде под зонтом. Еще одна бронзовая статуэтка изображает Будду, лежащего на двухъярусном ложе – эта поза символизирует достижение им состояния паринирваны. Эту группу завершает металлическая композиция (№ 1041–37) на сюжет, именуемый “Будда в лесу Палилейка”: Будде, сидящему на скале со спущенными вниз ногами, опирающимися на лотос, поклоняются животные – слон, протягивающий в хоботе кувшин с водой, и обезьяна, принесшая ему соты с медом.

Помимо этих тайских скульптур, в шкафу № 7 находится деревянное изображение еще одного из персонажей буддийской скульптуры – Майтреи, Будды Грядущего, выполненное во Вьетнаме в начале XX в.

Один из наиболее интересных экспонатов выставки – выставленная в отдельном шкафу (№ 8) прекрасная бронзовая статуя сидящего Будды (№ 4804–374), судя по всему, выполненная в Северном Сиаме в конце XV – начале XVI в.

Широко распространен в Индокитае обычай записывать на специально обработанных пальмовых листьях, сброшюрованных затем в книги, буддийские тексты. Экземпляр такой рукописной книги, созданной в Бирме, демонстрируется в шкафу № 7. Подобные книги создавались учеными монахами при храмах и продавались прихожанам для продвижения в буддийской философии или в качестве подношений Будде, оставившихся при этих же храмах. Считается, что тот, кто перепишет такую книгу, намного улучшит свою карму и в следующем перерождении может надеяться на богатство, здоровье и счастливую жизнь.

Особенность мировоззрения всех без исключения народов Индокитая, как самых больших, так и малых, заключается в сохранении архаического пласта сознания, связанного с верой в духов, населяющих окружающий мир и способных влиять – прямо или косвенно – на судьбу человека. На экспозиции (в шкафу № 7) представлен домик духов – один из бесчисленного множества стоящих в современном Таиланде – у входа в каждую тайскую деревню и каждый тайский деревенский дом, на перекрестках дорог и в других магически значимых местах. Внутри таких домиков кладут подношения духам – рис, цветы и пр. – для их умилостивления.

В традициях других народов Индокитая было принято делать изображения некоторых духов для обращения к ним с молитвой. Так, при входе в Музей установлена громадная фигура духа-покровителя охоты из горной южновьетнамской деревни Фуко (упоминавшаяся в качестве одного из даров цесаревичу Николаю Александровичу). В шкафу № 7 представлен фрагмент архитектурного украшения – деревянная фигурка из Бирмы, изображающая одного из духов-“натов”. В настоящее время культ духов и буддийские верования настолько слились, что представляют в сознании людей и в культовой практике единое религиозное поле.

Статуя Будды Гаутамы. Сиам, XV–XVI вв.

Находящиеся на новой экспозиции вещи, как нам представляется, дают возможность собственными глазами убедиться в том, что народы Индокитая создали неповторимые культуры и обогатили ими мировую цивилизацию. Заметна и родственность явлений культуры крупных народов полуострова и соседних великих стран – Индии и Китая, объяснимая тем, что в историко-культурном отношении этот регион стал местом встречи волн культурного влияния, оказавших сильное воздействие на культуру местного населения. В Индокитае нашли своих новых почитателей божества древнеиндустского и древнекитайского пантеона (см. деревянное изображение Шоусина – бога долголетия из Вьетнама, шкаф № 7), пустил глубокие корни принесенный из Индии буддизм, а во Вьетнаме – на китайский манер – также и конфуцианство и даосизм и т.д.

Мы надеемся, что, как и первоначальная (созданная в 1980 г. в этом же зале МАЭ) выставка, нынешняя экспозиция дает пищу для размышлений о том, что наряду с мощными импульсами, исходившими от создателей индийской и китайской цивилизаций, на культуру стран Индокитая оказывал влияние многовековой процесс обмена в пределах полуострова и с островной частью ЮВА, приведший к созданию единой историко-этнографической области.

Примечания

¹ Об этой выставке см.: *Иванова Е.В.* Традиционное народное искусство материковой ЮВА // Сов. этнография. 1981. № 3.

² Об истории этих коллекций и их составе см. статьи: *Иванова Е.В., Решетов А.М.* Формирование и исследование фондов МАЭ по ЮВА // Сб. МАЭ. Т. XLVI. СПб., 1995. С. 5–31; *Суслова И.В.* Каталоги коллекций МАЭ по народам материковой части ЮВА // Там же. С. 226 – 233.